

В. А. Озеров

Фингал

ТРАГЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ, С ХОРАМИ И ПАНТОМИМНЫМИ БАЛЕТАМИ

Действующие лица

Старн, царь Локпинский.
Моина, дочь его.
Фингал, царь Морвенский.
Уллин, бард Фингалов.
Колла, наперсник Старнов.
Морна, наперсница Моины.
Верховный жрец Оден.
Дева локлинская.
Карилл, из воинов Стартовых.
Жрецы.
Барды, или скальды. Старновы.
Барды Фингаловы.
Воины локлинские.
Воины морвенские.
Народ локлинский.
Девы локлинские.

Действие происходит в земле Локлинской.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет палату, открытую сводами в сад; вдали видны на возвышениях храм Оден и холм могильный.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Моина сидящая, Морна, Уллин, барды, девы локлинские.

Хор бардов и локлинских дев

Какое сильно дарованье
Во власти, красота, твоей?
Сердец, умов очарованье,
Веселье пламенных очей
И нежных душ, любовь-отрада
От твоего родится взгляда.

Одна из дев локлинских

Цвети, о красота Моины,
Как в утро раннее весной
Цветут прелестные долины
Благоуханной красотой.

Хор бардов и дев

Фингала сердце ты пленила
И тишину нам возвратила.

Моина

О дев и бардов сонм! не славьте красоту,
Сию обманчиву, прелестную мечту.
Она, как слабый цвет, который украшает

Вид утренний пустынь и к полдню увядает.
Гордиться можно ли Моине красотой?
Единым только дух гордиться может мой,
Единым... О Уллин! Фингалов бард любимый,
Ты, коего прислал сей вождь непобедимый
Во званьи мудрого и мирного посла,
Воспой геройские Фингаловы дела.
Со дня, как мой отец, Локлинских стран владетель,
Морвенского царя уважил добродетель,
Вручить меня ему священный дал обет,
Желаю я, Уллин, чтобы мне целый свет
Вещал, гласил, твердил о имени Фингала
И слава бы его Моину восхищала.
Прими ты арфу, бард, воспламени свой дух
И дщери Старновой увеселяй ты слух.

Уллин

Умолкни всё в стране подлунной,
Чтоб гласы арфы златострунной
По холмам дальним пронеслись,
В пустынях гулом раздались.
Пою Фингала дивны бои,
Его забавы юных дней.
А вы, почившие герои,
Покрытые сырой землей,
Восстаньте от могил безмолвных,
На высотах явитесь холмных.

Хор бардов

Ударили в медяный щит,
Ко брани глас обыкновенный;
Во броню ратник облеченный
Воинским гневом уж кипит.
Дубы столетни загорелись,
И тучи заревом оделись.

Уллин

Встает Морвена вождь Фингал;
Оружье грозное приял:
Стрела в колчане роковая,
На груди рдяна сталь видна,
Копье, как сосна вековая,
И щит, как полная луна,
Воссевшая над океаном
И вся подернута туманом.

Хор бардов

Мелькают, сектся, падут
Враги пред ним, как неки тени;
Иль быстроногие елени
На зыби мшистые бегут.
И стала вокруг него равнина,
Как смерти мрачная долина.

Уллин

Падут, и не избеж судьбин
И ты, Тоскар, о Старнов сын!
Локлинских чад о грудь надежна!
Сон смерти скрыл твой юный взор.

Ты пал в полях, как глыба снежна,
С крутых отторгнутая гор.
Паденья шум в лесах раздался,
Высокий холм поколебался.

Моина
(встает и прерывает песнь Уллина)

Какую смерть, о бард, напоминаешь мне?
Тоскар, несчастный брат, погибший на войне
Фингаловым мечем, мне стоил слез довольно.

Уллин

Фингалом нанесен удар тебе невольно.

Морна

Он прелестей твоих еще тогда не знал.

Моина

Конечно, предо мной не винен в том Фингал.
Случайность браней то, судьбы случайность гневной.
Ах! естли б мой отец о смерти сей плачевной
Забыть, утешиться от времени возмог,
Была бы я тогда, была бы без тревог.
Но нет; ничто отца не развлекает муки:
Ни бардов пение, ни арф согласны звуки,
Ни шум, восторг пиршеств и чаши круговой;
И мрачный дух его, питаюсь тоской,
Ни в чем утех не зрит, ловитву забывает
И гулов ловчих глас в лесах не возбуждает.
Ему в молчании засели, как во мгле,
Уныние в душе и дума на челе...
Но он идет: в сей день спокоит ли Монну?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Старн, Колла и прежние.

Старн
(Моине)

О дочь! Фингал преплыл чрез синих волн пучину.
Ладей его ничем удержан не был бег,
И с утренней зарей на наш вступил он брег.

(К Уллину)

Уллин! Фингаловых певец сражений дивных,
Ты, присланный ко мне для предложений мирных,
Ты, зревший здесь луной свершенны три пути,
К Фингалу можешь ты во сретенье идти.

(Дает знак бардам, чтоб удалились.)

А ты, о дочь! во храм будь шествовать готова:
Сверши обязанность Фингалу данна слова.
Он требовал, чтоб я вручил тебя ему
В тот день, как взору он предстанет моему;
К нетерпеливости моей настал день ныне.

Моина

В сей самый день? восторг! благодарю судьбине.

Старн

Так ты Фингаловой ответствуешь любви?

Моина

Ах! неизвестный огонь пролит в моей крови
Со дня, мне памятна, как вождь племен Морвена,
Нам ужасом грозив иль смерти, или плена,
Все холмы, все леса наполнивши войной,
Рассыпав рать твою, сей овладев страной,
Предстал перед меня в моем уединеньи.
Мгновенно сердца мне прервалися биеньи;
Как вепря дикого, его страшилась зреть;
Отчаянна, бледна, желала умереть...
Но очи юношу прекрасного узрели;
Хотела укорять... уста мои немели.
Под шлемом вид любви блистал в его чертах,
Прешел к моей душе и мой рассеял страх.
С тех самых дней мои Фингалом мысли полны.
Спокойствие мое он уносил чрез волны,
Когда, окончив брань, пленение твое,
Отплыл от сей страны в отечество свое.
За ним желания неслись нетерпеливы...
Настали наконец Моине дни счастливы!
Фингал, пред алтарем соединясь со мной,
Почтит в тебе отца как сын нежнейший твой...
Но ты смущаешься, бледнеешь и трепещешь;
На дочь, вокруг себя ты взоры гнева мещешь,
И вздохи горести твою стесняют грудь...

Старн

(по некотором молчании и скрывая свою ярость)

Ах, нет... без гнева я; спокойна духом будь!
Как ты, я веселюсь Фингаловым приходом,
И вскоре мой восторг явится пред народом;
День оный может быть счастливейший мне день.
Иди, чело свое покровами одень.

Моина

Твоею радостью могу я быть спокойна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Старн и Колла

Старн

О малодушная, дочь Старна недостойна!
Злодея моего ты возлюбить могла,
У коего в плену глава моя была
И чье оружие кровь Тоскара проливало.
К несчастью моему сего не доставало!
О Колла, ты, кем Старн был прежде в славе зрим.
Сей счастливый отец, сей вождь непобедим,
Ты зришь: ко гробу он склоняет жизнь позорну.

Колла

В Моине вижу дочь, родителю покорну:
Готова быв предстать ко брачну алтарю,

Не сердце ль несть должна Морвенскому царю?

Старн

Но сердце, Колла, в ней моею бьется кровью:
Так может ли оно к нему гореть любовью?
Нет! злобу, и вражду, и ненависть, и месть –
Вот все, что дочь должна во брак Фингалу несть.
Когда б она меня достойной быть хотела.
Проникнуть замысл мой она давно б умела;
Умела бы узнать, что мой жестокий гнев
Не радости врагу – готовит смерти зев;
Готовит горести и все мученья, казни
И все терзания свирепой неприязни.
О ты, на облаках носящаяся тень!
Тень сына моего! тот светит, может, день,
В который ты, узрев над мрачною могилой
Проливу кровь врага, престанешь быть унылой;
Тоскливая доднесь, отдохнешь в те часы,
Как нива сохлая от майския росы;
И, с торжеством вступив в могилу, твой родитель
К тебе преидет, как пар, во горнюю обитель.

Колла

И вот обычная твоя со мною речь!
Не ищешь, государь, ты горести развлечь.
Два раза по лесам лист хрупкий устилался,
И дерн уж две весны на холмах обновлялся
Со дня, когда погиб твой храбрый сын Тоскар,
И ты забыть печаль...

Старн

Печаль забыть? Сей дар,
Один оставленный сердцам в несчастной доле!
Без грусти я бы жить не мог на свете боле.
О Колла! без нее с того плачевна дня,
Как сын в бою погиб, вокруг Старна, вокруг меня
Безмолвным, мертвым все казалось бы в природе.
С ней прелесть нахожу я в бурях, в непогоде;
Со мною говорят и ветров страшный рев,
И моря грозный шум, и томный скрип дерев.
Во всем мне слышатся сыновние стенанья.
Я чувствую тогда тех камней содроганья,
Под коими лежит Тоскара хладный прах;
И он мне зрится сам со бледностью в чертах,
На персях тяжкую указывая рану,
Гласящим казнь врагу, отмщение тирану,
Которого рукой нам бедствия неслись.

За театром слышен шум.

Но плески в воздухе народа раздались;
Конечно, к сим местам царь шествует Морвена.
Иди во храм к жрецу великого Одена,
Перед кумиром чьим брак должно посвящать;
Скажи, чтоб шел в чертог со мною совещать!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Старн, Фингал, Уллин, воины Фингала, барды Старновы
и Фингаловы, народ локлинский.

Фингал

О мужественный Старн! ты зришь опять Фингала,
Которого пред сим лишь слава занимала,
Которого на брань кипела в сердце кровь,
Которого сюда ведет теперь любовь.
Любовь, души моей единственное чувство.
Красноречивым быть – мне чуждое искусство.
Во стане возвращен, воспитан на щитах,
Мое искусство все – бесстрашным быть в боях.
Итак, не жди, о Старн, чтоб изъяснил я ныне
Признательность к тебе, любовь мою к Монне:
Кто сильно чувствует, тот не теряет слов.
Но испытай меня, скажи своих врагов,
Скажи, в который край иль отдаленну землю
Идти сражаться мне, оружие приемлю –
И страх врагам: сей меч главы их должен стерть.

Старн
(в исступлении)

Так, страх моим врагам, им страх и люта смерть.
(Пришед в себя)
Но в сей ли день, Фингал, утех и восхищенья
Мне называть врагов, достойных отомщенья,
Виновников моих пролитых втайне слез.
Я, видя здесь тебя, щедротой чту небес;
Рукою их ко мне ты прислан в утешенье,
И пусть трепещет свет, зря наше примиренье.
(К предстоящим бардам)
Зовите дочь мою... Вручив тебе ее,
Тем обещание исполню я мое.
Но, государь, страны законами различны,
К обрядам отческим от давних лет привычны.
В Морвене божество Фингаловых отцов
Оставлено доднесь без храмов, без жрецов;
Друидов истребив, их властью недовольны,
Низвергли храмы вы на их главы крамольны.
Но здесь покоится во храмах божество,
И клятвы мы пред ним свершаем торжество.
Итак, я буду ждать от храброго Фингала,
Чтоб в храме дочь мою его рука прияла.

Фингал

Не рассуждаю я, приличен ли кумир,
И храм, и жертвенник тому, кто создал мир;
Кому как вечный храм вселенная чудесна;
Кому восстать тесна и высота небесна.
Чтоб мыслью вознестись к сему миров творцу,
Не прибегаем мы к друиду иль жрецу;
Без них несем ему с зарей, на холме красном,
Сердца толь чистые, как день при небе ясном.
Но храма твоего хочу я святость чтить,
Коль должно в оный мне с Мойною вступить.
Так! к дочери твоей в любви неизъясненной
Готов в свидетели призвать богов вселенной.
Хотя сberi во храм кумиров всей земли.
Их всех жрецов и мне поклясться повели
Пред всеми ими там, пред небом и землею,
В любви ручаюсь я жизнью моею;
Моине жизнью сей пожертвовать готов.
Но вот она... Каких желаешь клятв и слов?

Ах! взгляд ее, луны полночнѣе светлее.
Для сердца в верности всех клятв моих сильнее.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Прежние, Моина, Морна и девы локлинские.

Старн

Утеха Старнова, о дочь моя, приди;
С Фингалом наш союз согласьем утверди.
Чтобы в твоей красе нашел родитель средства
Изгладить навсегда с души прошедши бедства.

Моина

Ты сердца моего читал во глубине:
Сколь должен сей союз желателен быть мне,
Ты знаешь, государь! твоей причастна славы,
В союзе вижу сем оплот твоей державы;
Но что еще лестней для сердца моего –
Надежду вижу в нем покоя твоего.
Коль на земли дано нам счастья совершенство,
Какое днесъ с моим сравняется блаженство!

Фингал

Моина, ах! поверь, что счастья твоего
Священнее иметь не буду ничего;
Запечатлеть обет готов моею кровью.

Старн

Я восхищаюсь взаимной сей любовью.
Чтоб ускорить давно желанный мною час,
На время в сих местах оставить должен вас.
Во храме принеся моление обычно,
Устрою празднество тебе, Фингал, прилично.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Фингал, Моина, Уллин, Морна, барды, девы и все бывшие
в предыдущем явлении.

Фингал

О небо! доверши блаженство дней моих.
Моина, повтори приятность слов твоих;
Скажи, что, моему ты не противясь счастью,
Не оскорбляешься моею нежной страстью,
Что ты довольна ей, что мил тебе Фингал.
Когда бы знала ты, как много я страдал
Со дня, как в первый раз твои красы увидел!..
Дотоле, мыслью дик, любовь я ненавидел,
Считал ее мечтой и слабостью умов;
Как стужа наших зим, был дух во мне суров.
Твой, взор переменял нрав дикий и суровый;
Он дал мне нову жизнь, дал сердцу чувства новы
И огонь, палящий огонь, пролив в моей крови,
Мне дал почувствовать страдания любви,
Уныние, тоску, отчаянье разлуки
И страх немилым быть, и ревности все муки.

Не утолялся огонь в прохладности ночей,
И сон не мог тебя скрыть от моих очей.
Сей голос, коим ты со мною говорила,
Твой тихий, светлый взгляд, твоя улыбка мила,
Твое дыхание и легкий шум шагов,
Как вешний ветерок, журчащий меж листов,
И все, что ты, пленя мое воображение,
В разлуке множило любовное мученье,
Как ныне все, что ты, Фингала веселит.
Пусть счастье мое Моина подтвердит.

Моина

В пустынной тишине, в лесах, среди свободы,
Мы возрастаем здесь как дочери природы,
И столько ж искренны, сколь искренна она.
Итак, о государь, открыть тебе должна,
Что с первого тебя я возлюбила взгляда.
К герою страсть души высокоя отрада!
Гордятся чувством сим и радуясь ему,
Призналась в том отцу, народу и всему,
Что в отческой стране чувствительность имеет,
И праху матери, который в гробе тлеет, -
Природе, словом, всей известна страсть моя,
О коей небесам сказать готова я.
Поверь, Моина здесь не менее Фингала
Терзалась мыслию, разлукою страдала.
Как часто с берегов или с высоких гор
Я в море синее мой простирала взор!
Там каждый вал вдали мне пеною своею
Казался парусом, надеждою моею,
Но, тяжело опустясь к глубокому песку,
По сердцу разливал мне мрачную тоску.
Как часто в темпу ночь, печальна и уныла,
Обманывать себя я к морю приходила;
Внимая шуму волн, бьющихся о брег,
Мечтала слышать в нем твой быстрый в море бег.
Ты прибыл наконец, Фингал, перед Мойной, -
Забывши грусть, любви я предаюсь единой.

Фингал

Не столько звуки арф в вечерний тихий час
Приятны при заре, сколь твой приятен глас;
Сколь каждую речь твою я нахожу прелестну,
Несущу радость мне, донныне неизвестну,
Но я, блаженствуя в моей теперь судьбе,
Не знаю, чем и как воздать могу тебе,
Которой должен я толикою отрадой.

Моина

Любви лишь может быть одна любовь наградой.
Люби меня, Фингал, и, чувство то храня,
В родителе моем спокой, утешь меня.
Ты зрел, как очи в нем под брови углубленны,
Как все черты лица печалью измененны
И как чело его наморщила тоска,
Которую развлечь моя слаба рука:
Он не участвует в веселии безвинном
И стонет, как волна при берегу пустынном.
Старанием, Фингал, соединишь со мной,
Чтоб прежний возвратить душе его покой
И сына нежного чтоб заменить потерю.

По сим стараниям любовь твою измерю
И, сердце разделив меж Старна и тебя.
Почту тогда, почту счастливою себя.

Фингал

Не ошибался я: судьба моя надежна!
Супруга та верна, которая дочь нежна,
Священным долгом чтит родителей покой.
Моина! мне отцом родитель будет твой;
Любовь моя внушит мне нежные старанья,
Чтоб в Старне облегчить душевные страданья,
Чтобы тоску, его снедающе, развлечь,
Чтоб радости слезу из глаз его извлечь,
Чтоб видеть наконец нам дух его спокойным
И мне соделаться твоей любви достойным.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Прежние, бард Старнов

Бард

Морвенския страны непобедимый царь!
Ко браку твоему готов уже алтарь.
На жертвеннике огонь усердия пылает,
И мудрый Старн тебя с Мойной ожидает.

Фингал

Пойдем, любезная! во храме счастье ждет
Чету, которую любовь туда ведет.

Хор бардов

Иди во храм, чета прелестна,
Венчай свою взаимну страсть.
Душам чувствительным известна
Та сладостна, счастлива часть,
Когда любовь в сердцах пылает
И брак веселый страсть венчает.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет внутренность храма Оденова, отверстого сверху; кумир божества поставлен посреди, пред ним жертвенник курящийся. Через свод диких камней видны холм могильный и палата первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старн
(один перед кумиром)

О древне божество обширных стран полнощных,
Надежда страждущих и сила, крепость мощных,
Оден! которого невидимой рукой
Природа держится и круг вращает свой!
Ты волею своей быстрее ветров горных;
Чья месть мрачнее бурь, висящих в тучах черных,
На коих возлегла Тоскара грустна тень,

Яви свой ярый гнев в торжественный сей день!
Помощником мне будь к погибели Фингала,
Которого рука кумир твой потрясала,
Которого мечом мой сын погиб в бою,
Чей хитрый взгляд прельстил дочь слабую мою
И чрез кого я стал без чад моих, без чести,
С одною грустию, с одним желаньем мести,
На старости моей в печальном сиротстве.
Мой враг перед тебя явится в торжестве;
Нашли на дух боязнь, на мысль недоуменье,
Предзнаменующи могущего паденье.
Чтоб он, как лютый зверь, страшилище лесов,
Гонимый ловчими, преследован от псов,
В расставленную сеть стремился торопливой,
И веселился б Старн добычею счастливой!
Внесу тогда, Оден, во капище твое
Его булатный меч, огромное копье,
И щит, и шлем, крылом орлиным осененный,
И весь доспех его, чтобы вещал вселенной
Из рода в поздний род, от века в дальний век,
Сколь слаб перед тобой сильнейший человек!
Мечтав не знать себе в величестве примера.
Он пал, и три шага – его жилищу мера.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Старн и Колла

Старн

Благоприятну ли несешь мне, Колла, весть?
Готовы ль воины мою исполнить месть?
Могу ль надеяться на их неустрашимость?

Колла

Колеблет, государь, их мысли нерешимость.
Еще им памятен неизъяснимый страх,
Который рассевал Фингалов меч в боях,
И целые ряды как были низложены:
Иные ранены, другие быв плененны,
И все в Фингале зрят как браней божество,
Которому что бой, то ново торжество.
Осьмнадцать ратников тебе, о Старн! послушны;
Страшатся прочие...

Старн

Страшатся? малодушны!

Что сей Фингал донесет никем не побежден,
Бессмертным разве он от матери рожден?
Иль грудь его тверда, как камень древних башен?
Нет, нет, не должен быть, не может быть тот страшен,
Которого в бою прервет блестящий век
Кинжалом иль мечом отважный человек,
Который так, как мы, и временен и тщетен,
Который так же слаб, который так же смертен.
Фингаловы отцы, подобные мечте,
Прешли и скрылися в могильной темноте.
Проходят роды все, и восстают другие,
Как с ветром по морю идут валы седые
Иль как осенний лист от древа отнесен
И листом по весне зеленым заменен.

Подобно и мой род со мною пресечется.

Колла

Почто же мыслишь ты, что род с тобой прервется –
Род славный, сей страной владевший столько лет?
Он утвердится вновь и снова процветет!
Имеешь дочь еще...

Старн

Нет, Колла, не имею:

Моину дочьрю не признаю моею,
Коль в сердце ко врагу питает нежну страсть.
Фингал мне горести устроил полну часть.
И, окружив меня убийством и прельщеньем,
Мой дом соделал мне глухим уединеньем.
Не остановится в последний жизни час
На детях мысль моя и умиленный глаз,
И вознесенный холм над Старновой могилой
Пребудет так, как я, безмолвный и унылый.
Никто на гроб его цветов не принесет,
И путник знаков слез на камнях не найдет.
Гроб хладно молчалив умерших без семейства.
Но я отмщу врагу за все его злодейства.
Фингаловой крови Тоскаров жаждет прах,
Он на могилу ждет, и там ждет плач, ждет страх.
И ждет конец его мучителен, ужасен.
Оденок жрец со мной во мщении согласен.

Колла

Ужели, государь, во ярости твоей
Ты от обычаев страны отступишь сей?
Гостеприимства здесь законы суть священны.
Хотя к нам враг приди, чрез три дни угощенный,
Как в доме собственном спокоен должен быть.
Обычай древний сей кто может преступить,
В толиком же у нас позоре и презреньи,
Как воин боязлив, бегущий во сраженьи.
Гостеприимство ли, знак нравов простоты,
Во гневе, государь, нарушить хочешь ты?
Ужель не посвятишь трех дней на угощенье?
Потом уж можешь ты свое исполнить мщенье.

Старн

Что, Колла, говоришь? чтобы три дни я ждал;
Чтоб зрением врага еще три дни страдал;
Чтоб, съединившись с ним, несчастная Моина
Его бы привела в мой дом наместо сына?
Ах, нет! моя вражда столь сильна, что едва
Не изменяют мне мои к нему слова.
Не отвечаю я, чтоб мог скрываться доле.
Чрез три дни смерть его в моей не будет воле.
Пушай винят меня народ и целый свет!
Как мертв, без сына быв, мне нужды в оном нет.
Надежда отомстить и муки зреть Фингала
Одна жизнь Старнову доньне подкрепляла.
Надеждой сей дышал, для мести только жил –
И хочешь, чтоб я смерть Фингала отложил!
Чтоб случай потерял для сохраненья славы!
Померкни блеск венца и честь моей державы,
Погибни вся страна, пушай погибну сам,

Лишь бы мой враг погиб, пал мертв к моим ногам,
Лишь на челе б его я зрел погаслу смелость,
Глубоких язв болезнь и смерти цепенелость,
И к радости моей чтобы слышать мог
Из уст трепещущих тот тяжкий, томный вздох,
За коим для него придет молчанье вечно.
Но раздается шум... Фингал идет, конечно.
Еще притворствовать, еще вражду таить,
Лишь взором избирать то место, где разить,
Чтоб каждый наш удар не проносился мимо...
Для ярости моей притворство нестерпимо!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Старн, Фингал, Моина, Морна, Колла, первосвященник, жрецы, барды Фингаловы и Старновы, воины обоих царей, народ локлинский

Фингал

Доволен ли ты, Старн, покорностью моей?
Во храме предстою по воле я твоей;
Во храме, коего отцы мои чуждались,
(указывая на кумиры)
И сим богам твоим по смерти не поклонялись.
Но я и сих богов хочу теперь призвать;
Познай чрез то, тебе как мысля угождать
И сколь желаю я, чтобы отец Моины,
Раздора прежнего забыв меж нас причины,
В преданности моей уверен ныне был;
Чтоб к сердцу своему Фингалу путь открыл;
Был мною навсегда утешен, успокоен,
И сына именем я был им удостоен.

Старн

(с притворною радостью)

О ты, Комгалов сын! на старости моей
Ко утешению моих последних дней,
Когда осталась мне единая Моина,
То как тебя в сей день мне не признать за сына?
Не помышляю я о детях никогда,
Чтоб о тебе, Фингал, не помышлял всегда.
Ты думы моя давно уже предметом;
Давно желает Старн явить пред целым светом
Те чувства, к тебе которые хранит,
И прежний наш раздор как мною позабыт.

(К жрецам)

Служители богов, воспойте песнь священну
Предвечному творцу, великому Одну.
Пусть именем его верховный храма жрец
Благословит союз сих искренних сердец.
Ничто пред божеством цари с их властью мощной,
Как огонь, носящийся над тундрой полуношной;
Их блеск мечтателен, их замыслы, как дым,
Стремящийся из горн и бурей разносим.
Перед Фингалом я обет мой исполняю,
Но подтверждения Одена ожидаю.

Хор жрецов

Властитель неба и земли,
О ты! единый, вечный, сильный,
Источник благ обильный,

Воззванью нашему внемли.
Светилами лазурь украсил ты небесну,
Чтобы свою премудрость доказать,
И в знак щедрот любовь и красоту прелестну
Благоволил на землю ниспослать.
Соедини союзом нежным
Сию любезную чету
И мирных дней их долготу
Исполни счастьем безмятежным.

В продолжение пения юноши и девы локлинские составляют балет, приносят венцы и цепи из цветов, украшают Моину и Фингала и ведут их к жертвеннику перед кумир Оден.

Фингал

Оден! локлинцев бог, коль ныне в первый раз
Ты каледонина во храме слышишь глас,
Не удивись тому: ты божество Моины,
Пред жертвенником ждет она своей судьбины.
Хочу тебя призвать, хочу тебя почитать
И, в пламенной любви клянясь ей верным быть,
Сих клятв хочу иметь свидетелем Одена.
Мне будь свидетелем и ты, племен Морвена,
Отцов Фингаловых могуще божество!
Ты, коего весь мир являет существо,
Но смертные умом кого не постигают,
Кого именовать уста мои не знают;
Ты, исполняющий вселенную собой,
И в храме чуждом сем обет услышишь мой.
Когда Моинины любовью полны взгляды
Не будут находить в глазах моих отрады,
Когда не будут зреть в них страстного огня,
Которым днесь горю, то накажи меня:
Чтобы руки моей исчезла дивна сила,
Котора страх врагам в сраженьях наносила,
И твердость, мужество Фингаловой души,
Как былые долин, во цвете иссуши;
Чтоб, бесполезный царь, против любви бесчестен,
Влачил я мрачну жизнь и умер безызвестен;
Чтоб в песнях бардов я в потомстве не гремел,
В дому моих отцов мой щит бы не висел,
И меч, мой тщетный меч, притупленный и ржавый,
Был в дебри выброшен, как меч царей без славы.
Жрецы, народ, и ты, о мудрый Старн! в сей час
Свидетелями клятв я поставляю вас.

Моина

А я клянуся здесь...

Верховный жрец

Остановись, царевна!
Тень брата твоего, являясь в тучах гневна,
Через меня претит обет произносить;
(указывая на Фингала)
И ты супругою ему не можешь быть.

Фингал

Не может быть?

Моина

О рок!

Старн
(в сторону)

Решительно мгновенье!

Фингал

О ты, коварный жрец! какое дерзновенье
Ты принял на себя? чтобы умерших глас
От горних слышать мест, смущать здесь оным нас.
Оставь все хитрости, жрецов обычны свойства.
И в гробе сущего не нарушай спокойства.

Верховный жрец

Ты лучше сам почти умершего покой.
Пронзив Тоскару грудь свирепую рукой,
Сию ль сестре его ты предлагаешь руку?
Или и в гроб ему пренести ты хочешь муку?
Нет, прежде ты к его могиле поспеши,
Отдай там праху долг и тризну соверши,
Потщися с тению Тоскара примириться:
Тогда лишь можешь ты с Мойной съединиться.

Фингал

С терпеньем слушал я твою лукаву речь.
Ты мыслишь ею здесь раздор опять возжечь;
Напоминаешь нам об участи Тоскара.
Так, в поле он погиб от моего удара,
Но не изменю: он пал, как вождь, герой;
Меж нами смерти спор решил кровавый бой,
И подвергался я его ударам равным.
Коль жизнь венчает вождь концом толико славным,
Коль за отечество он может умереть,
Того не будет тень о жизни сожалеть;
Не будет в облаках ни гневна, ни смущенна.
Могилы храброго отечеству священна;
И старцы на нее должны сынов водить,
Чтоб в юных их сердцах геройство возбудить.
Но чуждо для жрецов высокое толь чувство:
Раздоры рассеять их главное искусство.

(Указывая на Моину)

Ты не успеешь в том... Прими ее обет
И совершай свой долг.

Верховный жрец

Не принимаю, нет.

Когда Тоскаров прах почтить не хочешь ныне,
Супругом быть тебе нельзя тогда Моине.
Одена именем я запрещаю ей
Надежде и любви ответственность твоей;
И сим же именем я Старна разрешаю
От слова данного. Я зрю, что прогневлию
Твой гордый дух; иду от гнева твоего.

Фингал

Остановите вы, о воины, его!

Старн

Иль ты пришел во храм над святостью ругаться?

Фингал

Иль за крамольного Старн может здесь вступаться?

Старн

Почти, Фингал, почти его священный сан!

Фингал

К сплетенью ль хитростей ему был оный дан?

Старн

Он дан ему на то, чтоб слышать глас небесный,
Чтоб оный возвещать.

Фингал

Какой сей дар чудесный!
И как пред нами он небесный слышал глас,
Которому никто не мог внимать из нас!
Что в вашем храме я, мне должно ль лицемерить?

Старн

Ты верь ему иль нет, но мы привыкли верить.
И дочери моей не отдаю тебе,
Когда противен брак разгневанной судьбе.

Фингал

Что слышу?

Моина

Небеса!

Колла
(тихо Старну)

Себе ты изменяешь.

Фингал

Меня ль...

Старн
(с притворною ласкою)

Почто, Фингал, почто не поспешаешь
Союзу нашему препятство отвратить,
Одена и судьбу с сим браком примирить
И возвратить покой Тоскара тени гневной?
С каким веселием и радостью душевной
На холме смерти я Фингала буду зреть!

Фингал

Ты б должен был меня в душе своей презреть,

Когда б увидел здесь толико малодушным,
Чтобы твоим жрецам я сделался послушным,
Чтобы их глас считал за глас самих богов.
Тоскара гроб почитать я б был, о Старн! готов:
Но как союзник твой, но как супруг Моины,
И долг сей совершить имел бы я причины.
Что волей сделал бы, неволей – никогда!

Старн

Почто ж, о гордый вождь! ты прибыл к нам сюда?

Фингал

Ты прежде дай ответ, почто надеждой льстивой
Ты вызвал по морям мой бег нетерпеливый?
Когда чрез барда я союз сей предложил,
Почто условий мне своих не объявил?
Я в праве от тебя потребовать ответа.

Старн

Царь, равным мне царям я не даю отчета.

Фингал

Царь, изменяешь ли ты слову своему?
Когда не веришь нам, то веришь ли кому?

Старн

Фингал! теряется уже мое терпенье.

Фингал

О Старн! угрозы мне я чту за оскорбленье.

Старн

Ты в областях моих.

Фингал

Я здесь не в первый раз.

Моина

Фингал! остановись и мой услыши глас,
Коль может мне внимать дух, гневом распаленный.
Опять ли видеть мне раздор возобновленный
Меж теми, коих я дороже чту всего;
Опять отечества увижу ль моего
Пожарны зарева и быстры токи крови?
Где уверения, Фингал, твоей любви?
Давно ль еще пред сим ты лестью страстных слов
Моину уверял, что облегчить готов
В родителе ее сердечны огорченьи?
Те страстные слова забыл в своем киченьи!
Забыл, дух вспылчивый, от ярости смущен,
Что должен мой отец Фингалу быть священ.
Ты жизнию хотел пожертвовать Моине,
И самолюбием не жертвуешь мне ныне.

Фингал

Ужель в волнении сего несчастна дня
И ты, жестокая, и ты против меня?
Ты знаешь, сколь чужда моя душа притворства.
Но не довольно ли уже явил покорства,
Когда в противный храм предстал с тобою я?
Во храм сей пагубный вела любовь моя.

Моина

Сию любовь свою ты докажи мне боле
И, Старновой в сей час ты повинуйся воле,
Иди на братний холм, обряды соверши,
Яви величество твоей, Фингал, души:
Моя рука в сей день наградой снисхожденью.

Фингал

Меня ли привести ты хочешь к униженью?

Моина

Несправедливый друг! в любви к тебе моей
Могу ль не дорожить я честью твоей;
Когда был милым тот, кто быть возмог бесчестен?
Ты храбростью своей в летах младых известен.
И кто подумает, чтобы Фингал в сей день
Был робостью ведом почтить Тоскара тень!

(По некотором молчании)

Жестокий, ты молчишь и взоры потупляешь.
Я слышу твой отказ, хотя не отвечаешь,
И узнаю теперь, и поздно, и стена,
Что ты обманывал и не любил меня;
Что издевался здесь ты над моею страстью.
Оставь меня, беги, предай меня несчастью,
Меж нами положи обширности морей!
Ты возмутить пришел моих спокойство дней;
Ты погубил меня; я не снесу разлуки,
И вскоре, вскоре смерть мои окончит муки;
Она с спокойствием Моину примирит
И с сердца вид сотрет, меня прельстивший вид.

Фингал

О! как души моей ты слабости узнала.
И как, жестокая, терзаешь ты Фингала!
Могу ли без тебя быть счастлив на земли?
Надгробно празднество готовить повели,
О Старн! Оден, жрецы, их глас, твои угрозы
Бессильны надо мной; ее лишь сильны слезы!
Ее любви одной я предаюся весь.

Моина

Премена счастлива!

Старн
(тихо Колле)

Я торжествую днесь.
(К Моине)

О дочь, принесшая родителю отраду,
Получишь вскоре ты достойную награду,
И чувствам твоим готовлю я покой.

(К Колле)
Иди на грустный холм и торжество устрой.
(К Фингалу)
А мы, Фингал, союз чтоб ускорить счастливый,
Чтоб наконец возмог мой взор нетерпеливый
Тебя на холме зреть, к могиле поспешим.

Хочет его вести, но при виде воинов Фингаловых останавливается.

За нами ли идти сим воинам твоим?
Иноплеменники обрядов наших чужды,
Их любопытный дух...

Фингал

Мне в них не будет нужды.
К чертогу царскому они пушай идут
И возвращения вождя их тамо ждут!

Воины Фингаловы уходят.

Старн
(в сторону)

Пусть тщетно ждут!..
(К Фингалу)
Фингал, пойдём к могиле сына!

Фингал

Приди со мной, приди, любезная Моина!

Старн

Ах! нет, чувствительный ее не должен взгляд
Зреть смерти празднество, надгробный зреть обряд;
Печальна для нее могила будет брата.
В сем храме пусть она ждет нашего возврата.

Фингал

Итак, опять с тобой я расстанусь теперь!..
Моина, страсть мою послушностью измерь.

Старн и Фингал уходят, за ними следуют все предстоявшие во храме.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Моина и Морна

Морна
(по некотором молчании)

Виновница в сей день нам прочного покоя,
Ты, удержавшая стремление героя,
За коим, может быть, для наша страна
Возобновились бы злосчастия войны,
Когда все льстит тебе, когда ты торжествуешь,
Когда твой верен брак, на что ты негодуешь?
Почто веселию свой дух не предаешь?
Хранишь молчание, вздыхаешь, слезы льешь?
Иль новых бед каких еще нам ждать?

Моина

Не знаю.

Неволею грущу и слезы проливаю.
Предчувство ль томное мне некия беды
Или в крови моей оставило следы
В сем храме бывшее несчастное волнение?
Иль, может быть, обряд и тризны совершение,
Напоминающе всему конец и смерть,
По сердцу моему могло печаль простерть!
Увы! не смею я еще ласкаться браком;
Час будущий судьба от нас сокрыла мраком.
Кто знает, счастлив ли он нам определен?
Сей верный, Морна, брак еще не совершен;
Еще я не зовусь супругою Фингала,
Еще союз не тверд. Уже я испытала,
Как верностью надежд нельзя ласкаться нам.
Когда веселая с Фингалом шла во храм,
Могла ль предвидеть я, что наш обряд венчальный
Пременился в обряд надгробный и печальный;
Что вместо храма гроб, жреца наместо тень
К союзу нашему представляется в сей день?
Кто, Морна, ведает мне рок определенный?
Но шум... вступают в храм... Уллин идет смущенный:
Боязнь в его чертах...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Прежние и Уллин

Уллин

Царевна! где Фингал?

Моина

Ко гробу братнему с царем он путь приял
И, может быть, теперь уже над мрачным холмом.

Уллин

Но воинов своих сопровожден ли сонмом?

Моина

Один пошел, но что?..

Уллин

О горесть! о беда!

Он гибнет, может быть; бегу к нему туда.

Моина

Постой, Уллин, постой; чем столько ты смущаем,
И гибелью Фингал какую угрожаем?

Уллин

Твой яростный отец, презрев и долг и честь,
И все, что на земли священное ни есть,
Быть может, в сей же час Фингала умерщвляет
И смерть Тоскарову изменой отомщает.

Моина

Не верь, Уллин, не верь; сего не может быть.
Изменю ль цари обиды будут мстить?

Уллин

Едва поверить мог... Но, освобожденный плена,
Карилл, со мной сюда приплывший из Морвена,
Сей храбрый воин ваш, которого Фингал
Любил отважный дух и в плене отличал,
Остановил меня, когда в веселом ходе
Ко храму с торжеством за вами шел в народе.
Он все поведал мне, и, способ чтоб найти
Локлинския страны падушю честь спасти,
Он сам в числе убийц... Еще ли усумнишься?
Но медлю здесь, бегу на холм.

Моина

Куда стремишься,
И что против убийц предпримешь ты один?
Сонм воев у чертог; спаси царя, Уллин!

Уллин поспешно уходит.

Увы! несчастная, и я на холм послала,
И, может быть, на смерть любезного Фингала!
Остановленный брак, смятение жреца,
Веселье мрачное жестокого отца,
Когда Фингал идти согласен был ко гробу,
Все Старнову явить могло мне скрытну злобу,
И ничего, увы! не зрел мой страстный взор.
О Морна! поспешим предупредить позор.
Когда ж не отвращу измену толь поносну,
У самых ног отца окончу жизнь несносну.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Театр представляет дикий лес с рассеянными камнями, посреди холм, под коим погребен Тоскар. Гробница, по обычаю, означена четырьмя большими камнями по углам; на холме посажено дерево, на котором висит щит, меч и стрелы погребенного царевича; у древа жертвенник воздвигнут из камней; в отдалении видно море и на берегу оною храм Одена.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старн, Фингал, Колла, барды Старновы.

Старн

(остановясь с Фингалом у холма)

Фингал! ты видишь холм, под коим скрыт Тоскар,
Под коим сына прах, твоей руки мне дар.
На холме мрачном сем, на камнях сих надгробных,
Провел течение я дней моих прискорбных;
И утро каждое, и каждый вечер дня
Встречали в роще сей стнящего меня.
Тоскара грустна тень со мною здесь стонала;
Она тебя, Фингал, к могиле призывала

От стран твоих отцов, из-за пучин морей.
Ты отдохни, о тень! от горести твоей
И боле не скорби Фингаловой победой!
Утешит вскорости тебя своей беседой
И радость принесет он сердцу моему.

Фингал
(обращаясь к холму)

О храбрый юноша! мир праху твоему!
В твоих молодых летах ты был примером воев
И смертью кончил жизнь, достойную героев.
С почтением на холм взираю я сей час.
Ах! мир, мир храброму еще единый раз!

(К Старну)

Я горести твоей, о мудрый Старн! поверю.
В нем сделал ты, народ, чувствительну потерю,
Которую судьба ничем не заменит.
Отважный сын царев, отечественный щит:
На нем основано народное спокойство.
Я сам, сражаясь, чтил Тоскарово геройство,
Я прослезился сам о юноше твоём,
Когда в бою погиб под роковым мечом;
Когда, как твердый дуб, от бури преломленный,
Он пал и восшумел сонм воев удивленный.

(К бардам)

Воспойте, барды, песнь Тоскару в похвалу.
Глас мудрого певца могил проходит мглу,
Тень храбрых веселит и предаёт в потомство
Согласной звучностью их доблесть и геройство.

Фингал садится на камень по одну сторону театра, Старн садится также на другую сторону, барды подходят к холму и поют хором без оркестра.

Хор бардов

Надежда бывшая сих стран,
От нас взятый судьбою гневной!
Ты был своим народам дан,
Как в месяц зимний луч полдневный.
Блеснув на час, ты вдруг исчез
И стал предметом наших слез.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и служитель Старнов, несущий чашу пиршеств.

Колла

Для излияния, по воле, Старн, твоей,
Из сотов пчельных мед несется в чаше сей.

Стары

Внеси на холм, поставь на жертвенник могильный;
Там примирения прольётся ток обильный.
Когда возьмет Фингал там чашу празднества,
Ты, Колла, знак подай к свершенью торжества.

Колла, приняв чашу от принесшего, идет с оною на холм.

Хор бардов

Во мраке туч как грозный гром,
Ты не носись в странах воздушных;
Но преселись во горний дом
Твоих отцов великодушных,
Седящих в радужных кругах
С спокойствием светлым на челах.

Фингал

Нет, гласам никогда надгробным я не внемлю,
Чтоб мысль не возвращал в отеческую землю,
Где возвышенный ряд родительских могил
Служил источником моих душевных сил;
Где часто при заре, над молчаливым холмом,
Под облачной грядой, беседовал я с сонмом
Почиющих отцов... Казалось, глас взывал,
Который мужество мне в чувство проливал.
Унылы высоты теперь остались холмны,
И тени в облаках печальны и безмолвны,
С вечерней тишиной, при уклоненьи дня,
По холмам странствуют, искав вотще меня.
Я удалился вас, от оных мест священных,
За волны шумные, в страну иноплеменных,
Куда меня влекла могущая любовь.
Но вы не сетуйте: она и вашу кровь
В весенний возраст дней, как огонь, воспламеняла;
Улыбка красоты и вас равно пленяла.
Вы были счастливы; но я!..

(Впадает в задумчивость)

Старн
(тихо Колле)

Еще ли ждать?
В нем дух уныл: нам знак не в сей ли час подать?

Колла

Доколе, государь, свой меч Фингал имеет,
Противустать никто из воинов не смеет.

Старн
(Колле)

Я способы найду его меча лишить.

(К Фингалу)

Не время ли, Фингал, нам к играм приступить,
Почтить сражением умершего героя?
Отборны воины готовы здесь для боя.
Но, чтобы большее в них мужество возжечь,
Наградой лестною им предложи свой меч.
Потщатся воины быть онога достойны.

Фингал

Над гробом храброго сражения пристойны;
Отрадою и в жизнь их почитал твой сын.
Я победителям не только меч один,
Но и мой звучный рог наградой предлагаю:
Познай, о Старн, как прах Тоскара почитаю.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Прежние и осьмнадцать воинов Старновых во всеоружии выходят из-за холма и, проходя мимо могилы Тоскаровой, преклоняют оружия. Между ими идет Карилл. Потом изображают они сражение, в котором Карилл и другой воин, оставшись победителями над прочими, сражаются между собою. Карилл обезоруживает своего противника, и оба являются пред Старна, который подводит их к Фингалу для получения предложенного награждения.

Старн

Фингал! как судия, как славный сам боец,
Ты награди теперь отважность их сердец.
Сему принадлежит твой рог далекозвучный,
А сей, пред прочими в бою благополучный,
Пусть примет славный меч от рук, Фингал, твоих.

Фингал

(воину, отдавая свой рог)

Прими мой рог... всегда он воинов моих
К сраженьям призывал, их призывал ко славе.

(К Кариллу)

А ты, искуснейший из всех, который вправе
Носить Фингалов меч... Что вижу я? Карилл!
Ты ль мужеством в бою награду заслужил?
В отважности твоей уверен был и прежде.
Вот меч: ответствуй ты всегда моей надежде!
Но ты колеблешься и не берешь его;
Смущенье на челе зрю духа твоего...
Что значит то?

Старн

(поспешно берет Фингалов меч. К Кариллу)

Почто безмолвным остаешься?

Иль недостойным ты награды признаешься?

(Вполголоса)

Прими, беги и скрой страх слабыя души.

(К Фингалу)

Иди, Фингал, на холм и тризну доверши.

Фингал восходит на холм и берет чашу, поставленную на жертвеннике. В сие самое время ударяют в щит.

Фингал

Я слышу браней глас!

Старн

И смерть тебе, злодею!

Воины

(устремляются к холму)

Умри, Фингал!

Фингал

(бросая чашу)

И я оружия не имею!
(Увидев висящий на дереве меч, срывает оный.)
Тоскаров вижу меч, защитю мне будь!

Старн

(остановившимся воинам)

Чего робеете? врага пронзите грудь!

Фингал

Лишь шаг, и будет Старн моею первой жертвой.

Старн

Не бойтесь угроз: пушай паду я мертвый,
Лишь кровию его спокойте сына прах.

Фингал

Кто смеет приступить?

Воины
(устремляются еще раз)

Умри!

Старн

Разите!

Колла

Страх!

Фингала воинов сюда ведет Моина.

Воины удаляются к стороне Старна.

Старн

О ярость! не могу я отомстить за сына!

Явление последнее

Прежние, Моина, Уллин, воины Фингала.

Фингал
(бросается к Моине)

Моина! ныне жизнь твоей любви мне дар!

Моина

О радость! я могла тот отклонить удар,
Который наднесла невольно на Фингала:
Тебя, на холм послав, на смерть я посылала.
Но естли счастливо спасен ты ныне мной,
Останется ль отец виновным пред тобой?

Фингал

Достоин твой отец... но не окончу слова.
Взираи! страдает как его душа сурова!
Но не раскаяньем сия душа полна:
Отмщеньем, злобою терзается она.

Старн

Ты наконец познал мои сердечны чувства!

Фингал

Познай и ты тщету коварного искусства.
В расставленну мне сеть ты сам, о Старн, упал,
И, саном возвышен, ты сердцем столько мал,
Что ныне жизнь твоя от рук моих зависит.

Старн

Здесь жизнь... от рук твоих?... Фингал легко то мыслит.

Фингал

Моими войсками отвсюду окружен,
По слову одному ты можешь быть сражен,
И ты, и ратники, служители лукавства,
И казнь в сей день принять, достойную коварства.
По справедливости измену наказав,
Пред всей твоей страной, пред светом буду прав.
Но безоружного разит один бесчестный:
С моими мыслями поступок несовместный!
Сколь сердцу Старнову всегда приятна месть,
Мне столько же всегда священна будет честь.
Обиды от врагов свирепый отомщает,
Дух кроткий их простит, великий забывает.
Ты мстил, забуду я, вот разность между нас!
Ты пленником моим уже один был раз;
Теперь в моих руках, но будь опять свободен!
Мир искренний со мной когда тебе не сроден,
Позволь ты дочери моей супругой быть,
И с нею поспешу от сей земли отплыть.

Моина

Как можешь речь к отцу толь обращать жестоку?

Фингал

Быть твердым надлежит, как говоришь пороку.

Старн

(по некотором молчании)

Сердечны чувства и мой свирепый нрав
В сей самый день, Фингал, в несчастный день познав,
Ты хочешь, чтоб я дочь тебе вручил супругой;
Ты можешь требовать? Скажи, какой заслугой?
Что право подает? или мой плен, позор?
Иль, лучше на сей холм ты обратя свой взор,
На холм, воздвигнутый тобой сраженну сыну,
Союза объяви мне право и причину.
Печаль мою, и нрав, и мщение порочь
И докажи отцу, что должен ныне дочь
На самом холме сем, над прахом здесь сыновным,
Тебе в супруги дать согласиен виновным.
Нет, нет, Фингал! меж нас несбыточен союз.
Отмщение!.. других мне нет с тобою уз.
Мне брак предложом был, но смерть твоя желаньем;
Дарить тебя хотел не дочерью, страданьем.
Не храм, готовил гроб; не брачных свет огней,
Но блеск, но грозный блеск убийственных мечей.
Хотел, чтобы погиб ты смертью бесчестной,

И не моей рукой, рукою неизвестной;
Дабы к страданию по смерти ты возлег
На тучи хладные, носящи град и снег;
Хотел тебе принести в те смертные минуты
Все долговременны мои мученья люты.
Оден, судьба и дочь - мне изменило все:
Не изменит теперь отчаянье мое.

Вынимает из пояса кинжал и стремится на Фингала. Моина, заметившая движение его руки, бросается спасти Фингала.

Моина

Что делаешь, отец?

Старн

Еще ль останавливаешь?
(Поражает ее кинжалом)
Несчастливая, умри, коль долгу изменяешь!
И пусть со мною здесь погибнет весь мой род!
(Закалается)

Фингал
(хочет устремиться на Старна, и воины Фингала за ним также устремляются)

Злодей!

Моина

Постой, Фингал! остановись, народ!
Мой горестный отец сам ныне гнева жертва.
(К Фингалу)
О радость! за тебя я упадаю мертва.

Фингал

Увы! она прешла!.. Неистовый отец!

Старн

Ты страдаешь горестью! Итак, я наконец
Доволен... отомщен... и счастлив умираю...

Колла относит его на камень.

Фингал

Моины нет! увы! я с нею все теряю.
О злополучие! о горестный удар!
И я живу еще?.. И жизнь, Моины дар,
Сей дар несчастный мне виной ее кончины!
И я живу еще? жить должен без Моины!
И всякий день в мечтах ее я буду звать;
И будет всякий день мне сердце отвечать,
Что я лишен ее, остался на мученье.
Мне ждать ли, чтоб судьба прервала дней течение,
Когда к страданию даны мне грустны дни?
Прерву...
(Вырывает из рук Уллина меч и хочет заколоться)

Уллин

(останавливает руку Фингала)

Фингал! тебе ль принадлежат они?
Ты царь, с народами священным узлом связан:
Для подданных твоих ты жизнь хранить обязан.
Рассудка, должности днесь гласу ты внимли.

Фингал

Увы! жестокий долг! мой друг, из сей земли
Ты извлеки меня, из сей земли плачевной;
Но, в облегчение моей тоски душевной
(указывая на тело Моины)
Возьми ты сей предмет, чтобы я каждый день
Из гроба возывал Моины легку тень.

В отчаянии упадет к Улинну, воины подходят к телу Моины;
занавес опускается.

Конец трагедии

1805

ПРИМЕЧАНИЯ

Фингал, трагедия в трех действиях, с хорами и пантомимными балетами. СПб., 1807, 50 с.

"Фингал" был третьей трагедией Владислава Александровича Озерова (1769–1816), крупнейшего русского драматурга начала XIX в. Обратиться к Оссиану ему рекомендовал его друг А. Н. Оленин (1763–1843), государственный деятель, знаток археологии и художник-любитель, который считал, что здесь можно найти основу для эффектного спектакля. В предпосланном трагедии посвящении Озеров писал:

С совета твоего, Оленин, я решился
Народов северных Ахилла описать
И пышность зрелищу приличную придать.
Твоею дружбою глас слабый оживился,
И к песням бардов я склонил прельщенный слух,
Чтобы извлечь черты разительны, унылы,
В которых Оссиан явил Фингалов дух,
Под строем звучных арф, близ отческой могилы.

Сюжетной основой трагедии послужил вставной эпизод из "Фингала", кн. III; имя героини Агандека Озеров заменил на Моина (имя матери Картона). Кроме того, он использовал некоторые имена и сюжетные мотивы из других поэм Оссиана (см. разбор этих заимствований: Потапов П. О. Из истории русского театра. Жизнь и деятельность Озерова. Одесса, 1915, с. 586–640; Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия начала XIX века (1800–1815 гг.). Куйбышев, 1959, с. 177–185). При этом трагедия Озерова была глубоко оригинальным произведением, весьма отличающимся от поэм Оссиана своей художественной системой, элегическим чувствительным колоритом.

"Фингал" Озерова был впервые поставлен в петербургском Придворном театре 8 декабря 1805 г. Роль Фингала исполнял А. С. Яковлев, Моины – Е. С. Семенова, Старна – Я. Е. Шушерин. Музыка к хорам и балетам написал композитор О. А. Козловский. Трагедия пользовалась большим успехом и шла с непрерывными повторениями до 1809 г., в дальнейшем она неоднократно возобновлялась до 1850-х гг. Она была переведена на французский язык О. Ж. Дальмасом и на немецкий – Р. М. Зотовым. Озерова нередко называли "певцом Фингала и Моины".

"Фингал" и его постановки вызвали значительное число откликов в печати, в некоторых из них отмечалось отношение трагедии к ее первоисточнику. А. Ф. Мерзляков, разбирая "Фингала", писал о поэзии Оссиана: "Сие новое поле

поэзии, более нам родственное, нежели другим народам западным, еще не было почти совсем обработано для сцены драматической. Томный, но величественный, как полная луна, восседающая над пустынями обширных морей, явился нашему Озерову слепой старец Оссиян и одним движением златого щита своего озарил берега Каледонские, в светло-синих туманах утопающие, изобретательному его гению... Содержание трагедии Озерова под названием Фингал взято из одной поэмы царственного барда Оссияна. Точно, это новый шаг в нашей словесности", И хотя Мерзляков после разбора заключал, что "вообще пиеса недостаточна в своей басне и расположении: в ней нет благородства, высокости, завязки трагической", он тем не менее должен был признать, что "самая новость сцены, дикость характеров и мест, старинные храмы, игры и тризна, скалы и вертепы: все вместе с арфю и стихами Озерова, облеченное северными туманами, - придает плесе этой какую-то меланхолическую занимательность" (Вестн. Европы, 1817, ч. ХСIII, К 9, с. 36-37, 46-47). Одновременно П. А. Вяземский писал в статье "О жизни и сочинениях В. А. Озерова", предпосланной посмертному изданию сочинений драматурга: "Северной поэзии прилично искать источников в баснословных преданиях народа, имеющего нечто общее с ее народом... Северный поэт переносится под небо, сходное с его небом, созерцает природу, сродную его природе, встречается в нравах сынов ее простоту, в подвигах их мужество, которые рождают в нем темное, но живое чувство убеждения, что предки его горели тем же мужеством, имели ту же простоту в нравах и что свойства сих однородных диких сынов севера отлиты были природою в общем льдистом сосуде... Цвет поэзии Оссиана, может быть, удачнее обильного в оттенках цвета поэзии Гомеровою перенесен на наш язык. Некоторые русские переводы песней северного барда подтверждают сие мнение. Но ровное и, так сказать, одноцветное поле его поэм обещает ли богатую жатву для трагедии, требующей действия сильных страстей, беспрестанного их борения и великих последствий? Не думаю. И посему-то Фингал Озерова может скорее почтяться великолепным трагическим представлением, нежели совершенною трагедиею" (Озеров В. А. Соч., ч. I. СПб., 1817, с. XXIX-XXX) Пушкин, читавший статью Вяземского, не согласился с его заключением и заметил по поводу последних фраз приведенного отрывка: "Что есть общего между однообразием Оссиановских поэм и трагедией, которая заимствует у них единый слог?" (Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII. Изд. АН СССР, 1949, с. 231). А. А. Бестужев в своей программной статье "Взгляд на старую и новую словесность в России" выражал мнение, что у Озерова "Фингал одушевлен оссиановскою поэзиею" (Полярная звезда на 1823 год. СПб., 1823, с. 20).